

УДК: 821.161.1

РУССКИЕ И ЕВРОПА В РОМАНЕ З. ШАХОВСКОЙ «ЗАПАСНЫЙ ВЫХОД» («SORTIEDESECOURS»)

Корчевская Ольга Валерьевна,

*к. филол. н., ассистент кафедры русской и зарубежной литературы
Таврической академии (структурное подразделение)*

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;
e-mail: ok_vs@inbox.ru*

В статье на примере малоизвестного франкоязычного романа З. Шаховской «SortiedeSecours» («Запасный выход») рассматривается проблема русского европеизма в судьбах младшего поколения русской эмиграции первой волны.

Ключевые слова: *литература русской эмиграции первой волны, русский европеизм, З. Шаховская.*

С именем З. А. Шаховской, представительницы младшего поколения русской эмиграции первой волны, не в последнюю очередь связана концепция русского европеизма, получившая широкое распространение в зарубежье. Очень ярко проблема ассимиляции русских на Западе отразилась в ее малоизвестном произведении, не переведенном на русский язык, – романе «SortiedeSecours» («Запасный выход», 1952), написанном под псевдонимом Jacques Croisй. Этот роман посвящен судьбе молодого русского эмигранта, ставшего французским писателем.

Роман не просто автобиографичен, но в своей основе документален. Его персонажи и описанные в нем ситуации нередко имеют соответствия в мемуарных книгах З. Шаховской. Судьбы персонажей романа, от главных до второстепенных, повторяют биографии реальных людей, встречавшихся автору на жизненном пути. В образе Луки, например, угадываются черты нескольких человек – молодого учителя, в прошлом белогвардейца, угасающего в константинопольском детдоме от чахотки, и барона Бориса Медема, которого Шаховская называет своей первой любовью (этого красивого молодого человека она встретила в госпитале – он умер почти на ее глазах от туберкулеза).

Узнаваем в изображении Шаховской и русский Монпарнас. В фигуре Ивана Кунца запечатлелись черты «двух Жоржиков» русской эмиграции – Иванова и Адамовича. Характеристика Кунца Антуаном – «умный труп» – совпадает с описанием современниками Г. Иванова. Мертвенность его облика отмечали В. Яновский («худое, синее или серое лицо утопленника с мертвыми раскрытыми глазами») и В. Рождествен-

ский («бледный, во франтоватом костюме юноша с мертвенным, уже сильно немолодым лицом»). Примечательно, что связь с умиранием, смертью подчеркивается и в имени Х. Мортус, под которым вывел Г. Адамовича в романе «Дар» В. Набоков*. Как и Г. Иванов, Кунц возникает в разных главах романа с неизменной сигареткой в черном коротком мундштуке.

Поэзия Кунца – академичная и современная, лишенная прилагательных, но богатая «божественными» аллитерациями [5, 152], также заставляет вспомнить о поэтической манере наследников Гумилева. В другом монпарнасце, к которому слава пришла в первый год мировой войны, друге Блока и Анненского, писавшем точные и безупречные с точки зрения формы стихи [5, 148], трудно не узнать В. Ходасевича.

И, наконец, в главном герое Антуане Собельском слились черты многих младоэмигрантов: породистый нос (Штейгер), врожденная элегантность, которую не способна заслонить даже бедность [5, 190] (Набоков). Подобно В. Сирину в молодости, он, как гурман, «питается окружающим»; как Поплавский – занимается боксом; как Юрий Софиев – зарабатывает на жизнь мытьем витрин и, чтобы не скучать, читает вслух стихи [5, 160]; как И. Шкотт – работает ночным сторожем. Шкотту, «уставшему от жизни» и 18 мая 1933 года, в возрасте 30 лет, принявшему смертельную дозу веронала, и посвящен роман «Запасный выход». Нелучайно его герой выбрасывается из окна в этот же весенний день. Бродя по ночному Парижу, Антуан Собельский однажды спасает брошившуюся в Сену женщину [5, 33]. В «Отражениях» Шаховская пишет, что о подобном случае из своей жизни ей рассказывал Б. Поплавский [4, 150]. Антуан, как и Б. Поплавский, испытывает почти ненависть к самоубийце, что, однако, не мешает позже обоим, и герою, и прототипу, свести счеты с жизнью. Но в первую очередь Антуан Собельский – это автобиографический персонаж. Можно сказать, что Шаховская передала ему многое из своей собственной творческой судьбы, тогда как свою женскую судьбу частично отдала героине романа Майе Сиберс.

В муже Майи Сандро фон Бодене узнаваемы черты С. Малевского-Малевича. Как и тот, евразиец Сандро организует подпольную группировку для переправки в СССР евразийской пропагандистской литературы. Главный герой скептически относится к идеям и деятельности Сандро, не может удержаться от иронии на его счет: «Майя и вы – из прибалтийских немцев, я поляк. Интересно, что сказал бы русский Иван о наших проектах составить его счастье?» [5, 169].**

Шаховская воплотила в образе Антуана Собельского самое существенное в духовном складе своего поколения. Антуан как среди соотечественников, так и среди французов держится особняком и не может полностью вписаться ни в одну группу. Так чувствовали себя в эмигрантской среде Набоков, Газданов, Яновский, не говоря о самой Шаховской.

Примечательно, что в романе «Запасный выход» не упоминается ни один из писателей старшего поколения, их как будто вовсе нет. А те яркие эмигрантские имена, которые периодически всплывают в повествовании (в русском ресторане Н. Плевицкая поет знаменитый эмигрантский шлягер «Занесло тебя снегом, Россия» [5, 106]; сестра Антуана Марго берет уроки балета у М. Кшесинской [5, 104]) призваны лишь добавить изображаемому «колорита» и правдоподобия.

Персонажи З. Шаховской, как и подавляющее большинство эмигрантов, живут в Медоне, Пасси, 15 и 16 аррондисманах. В скитаниях по городу герой однажды заходит в Александро-Невскую церковь на рюю Дарю. Однако во внутреннем сюжете романа так называемый русский Париж не играет существенной роли. Здесь куда важнее бунт Антуана против «отцов», удерживающих детей в русском мире, который не может предложить им ничего, кроме портрета последнего царя на выцветшей стене и нищеты. Россия ассоциировалась у героя только с «голодом, расстрелами, болезнями, доносами, бегством, кровью...» [5, 93].

Герой Шаховской восстает против идеи самопожертвования, которой живут старшие: «Как ужасен мир, где поколение за поколением жертвует своим призванием. Один получает специальность, противоречащую его натуре, другой женится против воли, третья моет посуду вместо того, чтобы петь. Четвертый, чтобы отблагодарить ее, отказывается от писательства и становится бухгалтером» [5, 128]. Антуан не видит в жертве другого смысла, кроме желания угодить общественному мнению. Однако о самопожертвовании он судит, имея перед глазами пример своей матери, а та, идя на жертвы ради близких, не устает жалеть себя и упрекать их.

За русским смирением Антуан обнаруживает фатализм, безволие, бегство от реального мира в мир иллюзий. Русские, по его мнению, большей частью «мягкие люди, очень способные, неглупые, часто даже наделенные большим талантом и умом», но у них нет хребта или, иначе, регуляционного центра. Они не знают своих пределов, растворяются в бесконечности, тонут в небытии [5, 155].

В русских монпарнассах герой замечает подмеченную Достоевским нездоровую широту русской души, способность совместить «идеал Мадонны» и «идеал содомский». Иван Кунц рассказывает ему о петербургских разгулах и кутежах, в которых он участвовал вместе с Блоком, о лихачах, мчавших их в вихре снега на острове, о помрачении от кокаина и цыганского пения и отрезвлении от всего этого на угренней службе в монастыре [5, 151; 271].*** Выслушав это признание, Антуан заявляет: «Слушая вас, я понял, почему всегда инстинктивно сомневался в Достоевском. Он очень виноват перед нами. Вся Россия, получив прощение великого писателя, находит удовольствие в гордом смирении, валяется в метафизической тревоге как в свинарнике» [5, 271].

Столкнувшись с монпарнасцами, Антуан осознал, насколько противны ему легкие средства (вроде вина и наркотиков) утешиться от угнетающих неудач; понял, что его влечет жизнь, полная борьбы, побед, страданий и радости от преодоленного испытания. В нем просыпается борец против «несуществующей родины», «абстрактной национальности», русской эмигрантской судьбы [5, 133]. Антуан Собельский, будучи героем-одиночкой, и в этом случае несет в себе черты самых ярких эмигрантских индивидуальностей (в частности, борьбой с «диктатурой судьбы» была отмечена вся жизнь и В. Набокова). Противовесом эфемерному образу России, рожденному ностальгическим чувством, служит ему реальная Франция. Ориентация героя на европейскую культуру связана прежде всего со стремлением научиться как следует жить и работать. Он ценит европейское воспитание за «рамки», которые оно дает характеру, – эти «рамки» держат и скрепляют его, когда им овладевает «русское опьянение» [5, 271]. Лучшим советчиком и опорой для Антуана в эту пору становится его тетя Нелл, хозяйка ателье мод, трезвомыслящая, энергичная, деловая, крепко построившая свою жизнь и саму себя. Но примечательно, что в друзья себе Антуан выбирает француза, напоминающего героев русской литературы. Клод Лонгжюмо – «близорукий, робкий до заикания» молодой человек – привлекает героя своей безукоризненной честностью, правдивостью, необычным в парижанине целомудрием, совестливостью, готовностью к самоотречению [5, 122].

Разочаровавшись в младоэмигрантской литературе, адресованной очень ограниченному кругу читателей и являющейся поэтому «пением немых» [5, 154], Антуан решает писать по-французски. В этот момент он впервые задумывается о том, может ли человек иметь «две родины, двух матерей, двух хозяек» [5, 158]. Позже, читая «Семь столпов мудрости» Т. Лоуренса («Лоуренса Аравийского»), он натолкнулся на мысль, что умопомешательство «может постигнуть человека, попытавшегося смотреть на вещи сквозь призму сразу двух образов жизни, двух систем воспитания, двух сред обитания» [5, 171]. Антуан отказывается верить в невозможность гармоничного синтеза культур, решает доказать обратное: человек может стать многогранным, как бриллиант, и отражать солнечный свет всеми своими гранями [5, 171]. Смысл изгнания он видит в том, чтобы научиться одновременно смотреть в лицо двух миров – Востока и Запада – и вести себя, как если бы принадлежал одновременно к ним обоим [5, 278]. Антуан даже задумывает написать об этом книгу.

Впоследствии, однако, герой понимает свое заблуждение. Как и легендарный англичанин, освоивший арабскую культуру, но оказавшийся неспособным, как арабы, верить в Бога, Антуан переживает драму неполной аккультурации: принятие языка без принятия ценностей, в нем воплощенных. Свою внутреннюю чуждость французской

культуре Антуан парадоксальным образом впервые ощущает во время пышной церемонии, когда получает «Приз наций» за свой франкоязычный роман «Звезда и камыш». Французский бомонд поражает его своей фальшью, и он восстает против светского этикета, произнося «мало академичную» речь. В этой среде герой чувствует себя, во-первых, «ужасно русским» и, во-вторых, наследником именно русской литературной традиции. Он признается, что когда пишет, то не может лгать, не может быть по-французски легкомысленным и хочет не развлекать публику, а пророчествовать [5, 205].

Переживая творческий и личный кризис, Антуан пытается сблизиться с французским литературным критиком Прадье, которому можно переадресовать слова, сказанные Н. Берберовой о П. Муратове: это «человек тишины, понимающий бури, и человек внутреннего порядка, понимающий внутренний беспорядок других» [1, 214]. Существование в Прадье этих двух натур и привлекло к нему внимание Антуана.

Критик преподает ему хороший жизненный урок, объясняя, что цивилизация основывается в первую очередь на условностях. Даже если такой образ жизни и несовершенен, это все же лучшее из того, что было выработано человечеством за многие века его существования. По мнению Прадье, ошибка Антуана в том, что он, как провинциальный малокультурный зритель, сначала принимает театральную спектакль чересчур всерьез, а потом, заметив картонные декорации, кричит, что все происходящее – ложь [5, 217].

Прадье расставляет все точки над «i» и задает дистанцию в отношениях с Антуаном, дав тому понять, что может порой составить ему компанию, но не хочет и не может быть соломинкой, за которую хватаются в поисках спасения. В Европе Антуану не хватает чувства «общности» и «человеческого тепла» [5, 227]. Войдя в западно-европейский мир, он не находит там для себя дома.

Герой Шаховской – максималист, мучающийся несовершенством и мнимостью всего земного, жаждущий Абсолюта. Он походит одновременно и на лишних людей русской литературы, и на героев-экзистенциалистов. Антуан задумывается о самоубийстве, выбрасывается из окна, но чудом остается жить и использует данный ему судьбой шанс еще раз ответить на вечный вопрос. В это время он открывает для себя Бога. Опыры в Творце искали и находили многие младоэмигранты: их выбор редко останавливался на традиционном православии, чаще это были эклектичные формы духовности – причудливые смеси христианства, масонства, буддизма. Общей духовной чертой ровесников А. Собельского можно считать «внутренне заинтересованное, напряженно-полюемическое восприятие религии», «религиозное беспокойство». Такая вера имеет отношение не столько к религии, сколько к религиозной философии.

Дневник Антуана полон размышлениями о Боге, христианстве и современном европейском мире. Страстное богоборчество он предпо-

читает теплохладности и равнодушию к духовным вопросам, царящим в современной Европе. В этот период герой обнаруживает даже некоторую близость к манихейству, дуалистическому учению о борьбе добра и зла, света и тьмы как равноправных изначальных принципов бытия. Он, например, заявляет: «Мир был сотворен как поле битвы, полное мрака и света, поглощающих друг друга. Мы смешали любовь и ненависть, чтобы мир стал ... ни горяч, ни холоден, такой, о котором Бог сказал: “Я исторгну тебя из уст Моих”» [5, 283]. Антуан много говорит о своем неприятии исторического христианства и его догм, во имя которых было пролито слишком много крови. Священнику отцу Георгию он признается, что не может стать церковным христианином, поскольку ему трудно «принять дисциплину церкви» [5, 280].

Девиз героя на этом этапе его жизни – «одиночество и свобода». Как набоковский Ганин, как герой рассказа Газданова «Хана», Антуан отказывается от единственной настоящей своей любви Майи, которую так долго добивался, на пороге осуществления желания. За «отказом от любви» стоит не слабость «русского человека на randevу», а экзистенциалистское стремление покинуть мир обывателей, порвав все социальные связи [2, 103–116].

Антуан уверен, что в мире возможно только приземленное, мещанское счастье, которое никак не может устроить устремленную к Абсолюту творческую личность. К мысли об отсутствии подлинного счастья на земле в романе приходят также Лука и Майя. Не в последнюю очередь обоих приводит к этому выводу русская литература: Майю – Пушкин, Луку – Толстой.

Антуан сознательно избегает пускать где-то корни. Жизнь для него теперь – полное обновления или безвестности и одиночества среди суеты огромного города странствие [5, 283]. Как и «незамеченное поколение» русской эмиграции, Антуан выбирает жизнь без почвы.

Другие пути эмиграции в романе олицетворяют собой священник отец Георгий и учитель Лука. Первый – на редкость цельная личность, человек, которому в общении с самыми разными людьми – и выше, и ниже его – удается оставаться самим собой. Именно он в романе выступает носителем идеи духовного универсализма. В беседе с Антуаном отец Георгий советует ему не разрываться между двумя земными родинами, а избрать своей целью родину небесную, единственную подлинную родину человеческой души [5, 279]. Этот герой считает эмиграцию особым благословением небес, сравнивая ее с добровольно принятым нищенством [5, 279]. В эмиграции, по его мнению, развивается и то качество, которое Достоевский называл «всемирной отзывчивостью» русского человека: эмигрант может быть «французом с французом, греком с греком» [5, 279].

Сельский учитель Лука – молодой крестьянин, служивший в Белой армии и вместе с ней эмигрировавший из России. Он болен ту-

беркулезом и знает, что ему остается жить недолго, но не позволяет себе впасть в отчаяние. Его главная черта – честность и полное отсутствие фальши. Лука становится учителем в детском доме в Константинополе, совершенно не стремясь к власти над юными душами и руководствуясь в отношении к сиротам смирением, сочувствием и трезвым видением их ситуации. Неудивительно, что в именно в Луке Антуан в конце концов находит для себя пример достойной жизни, и его жизнь обретает смысл и предназначение [5, 285].

Отец Георгий и Лука у Шаховской – примеры русских людей, которые вовсе не нужно европейское воспитание для обретения «формы», православие удерживает их от внутренней расхристанности.

В романе они играют роль духовных наставников главного героя. Образ духовного наставника, не характерный для младоэмигрантской литературы, сближает «Запасный выход» с литературой духовного реализма (Б. Зайцев, «Дом в Пасси»; И. Шмелев, «Пути небесные»).

Роман «Запасной выход» и, в частности, судьба его главного героя раскрывает внутреннюю противоречивость русского европеизма младоэмигрантов. Европейское образование позволяло «сузить» широкую русскую душу, развить самосознание и самодисциплину. Но согласиться на существование по принципу «жить и зарабатывать себе на жизнь» молодым эмигрантам мешал неистребимый русский максимализм. В неприятии сугубо материального, «пошлого» существования поколение Антуана Собельского сохранило верность русской духовной традиции.

Примечания

* У современных исследователей не вызывает сомнений, что именно Г. Адамович был главным прототипом критика, враждебного героям «Дара» Ф. Годунову-Чердынцеву и Кончееву. Однако есть основания видеть в Моргусе также черты Н. Оцуца, Д. Мережковского и особенно З. Гиппиус, писавшей под псевдонимом Антуан Крайний (См. об этом: Долинин А. Две заметки о романе «Дар» // Звезда. 1996. № 11. С. 168–180).

** Цитаты из романа приводятся в переводе автора статьи.

*** Эта деталь также указывает на Г. Адамовича как на одного из прототипов этого персонажа: автор «Комментариев» распространял в эмиграции миф о своей дружбе с Блоком [3, 159].

Список использованных источников

1. Берберова Н. Курсив мой. М.: АСТ, Астрель, 2010. 765 с.
2. Дмитровская М.А. «Стрела, попавшая в цель» (телеология Набокова и Газданова) // Газданов и мировая литература / ред.-сост. Л.В. Сыроватко. Калининград: КГТ, 2000. С. 103–116.

3. Коростелев О.А. Адамович // Литература русского зарубежья, 1920–1940 / отв. ред. О. Н. Михайлов. М.: ИМЛИ, Наследие, 1999. Вып. 2. С. 158–186.

4. Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. 319 с.

5. Croisé J. Sortie de Secours. Paris: Plon, 1952. 285 p.

THE RUSSIANS AND EUROPE IN THE NOVEL
«EMERGENCY EXIT» («SORTIE DE SECOURS») BY Z.
SCHAKOVSKAYA

Korchevskaya Olga Valerievna,

*Ph.D., Philosophy Doctor
of Crimea Federal V.I. Vernadsky University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia),
e-mail: ok_vs@inbox.ru*

The article studies the problem of Russian Europeanism in the fate of the younger generation of the Russian emigration of the first wave on the example of a little-known French-language novel by Z. Schakovskoy «SortiedeSecours».

Keywords: *Russian ùmigrÿ literature of the first wave, Russian Europeanism, Z. Schakovskoy.*

References

1. Berberova N. Kursiv moy [Emphasis added]. Moscow, AST Astrel Publ., 2010. 765 p.

2. Dmitrovskaya M.A. «Strela, popavshaya v cel» (teleologiya Nabokova i Gazdanova) [«The Arrow hit the target» (teleology Nabokov and Gazdanov)] // Gazdanov i mirovaya literatura [Gazdanov and world literature] / Ed. L.V. Syrovatko. Kaliningrad, KGT Publ., 2000. Pp. 103–116.

3. Korostelev O.A. Adamovich // Literatura russkogo zarubezhya [Literature of Russian emigration], 1920–1940 / Ed. O.N. Mikhaylov. Moscow, Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences Publ., 1999. Vol. 2. Pp. 158–186.

4. Schakovskaya Z. V poiskah Nabokova. Otrazheniya [In search of Nabokov. Reflections]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 319 p.

5. Croisé J. Sortie de Secours. Paris: Plon, 1952. 285 p.